

ПО ЖЕЛАНИЮ ПОКУПАТЕЛЯ

Бывало так. Собираются за столом в большом кабинете представители текстильных предприятий, торговли, швейных фабрик и мирно беседуют.

— Нам нравится эта ткань, — говорит представитель Министерства торговли, перебирая пальцами тонкий материал. — Она хороша к лету для дамских платьев.

— Да, такой материал и в деревне парасвет, — согласится представитель Центросоюза. — Мы тоже берем его...

— Из такого шелка и шить приятно, — подтвердит представитель швейных фабрик...

Но бывало и так. Когда нельзя было отобрать только хорошие, хорошие товары, представитель торгового ведомства добирал недостающее количество тканей из другого сорта.

За последние время покупатель спрашивает второсортный товар все реже и реже. Вот этот факт и нарушил теперь мирные беседы за большим столом в центральном ассортиментном кабинете Министерства легкой и пищевой промышленности СССР. Здесь все чаще и чаще стали возникать горячие споры.

Во вторник Шелковский хлопчатобумажный комбинат показывал свою продукцию — пятьсот образцов ситца, сатины, фланели и гаруса. Пятьсот различных рисунков! Торговые представители отобрали немало хороших тканей, но от многого решительно отказались. Из рук в руки передавался кусок гладкокрашеной бумажки бордового цвета. Никто не хотел брать ее для продажи.

— Вы не имеете права отказываться, — возмущался представитель комбината. — У нас план, мы много выпустили этой ткани!

— Теперь это нас мало касается, — спокойно отвечал представитель министерства. — Мы с удовольствием возьмем от вас хорошую ткань, а зачем нам эта, да еще с такой расцветкой, чтобы забирать полки магазинов? Отстайте от жизни, товарищи, покупатель богаче стал, и спрос у него иной...

Прежде большой спрос был на летние ткани из хлопчатобумажной пряжи — майку, вольту, вуаль. Сейчас чаще стали спрашивать штапельные полотна. Министерство легкой и пищевой промышленности СССР учло это и решило в течение года выпустить штапельных тканей в два с половиной раза больше, чем в прошлом году. Весной, перед летним сезоном, рассматривались триста два новых рисунка для штапельного полотна. 32 из них забраковали, 12 пропергировали в торговой сети, остальные — в производстве.

В деревне обычно покупали диагональ и молескин — гладкокрашеные хлопчатобумажные ткани для верхней одежды. Теперь сельский житель хочет носить костюм из более дорогих ворсовых тканей. Их выпуск также значительно увеличился.

Когда-то фабричные ткани были самыми распространенными для изготовления мужских сорочек. Сейчас для сорочек выпускается полотно из искусственного шелка со специальной расцветкой. Для дамского платья текстильщики выработывают новые, особенно хлопчатые: креп-моосковский, креп-оттавский, креп-юнкский, а также ткани из натурального шелка. В этом году магазины дополнительно получают ткани с повышенным содержанием тонкой шерсти, лучшие сорта шелка и ворсовых изделий. В сравнении с прошлым годом текстильщики уже выпустили за пять месяцев сверх плана около 27 миллионов метров хлопчатобумажных, шелковых и шерстяных тканей.

Предприятия легкой промышленности делают все, чтобы улучшить качество своих товаров.

М. ПАВЛОВ

Вступление в жизнь

Вечером в училище пришла лучшая закройщица города. Девушки давно готовились к ее приходу: откладывали ежемесячно небольшую сумму из стипендии, присматривали в магазинах материалы, брали образцы. Шли к директору училища Антоние Владимировне Ледниковой за советом: какой материал лучше подойдет на платье, первое праздничное платье, приобретенное на свой заработок да еще шитое своими руками.

В одном из классов училища девушки окружили закройщицу. Они держали в руках отрез ткани, листы журналы мод. Валя Романова и Алла Желтикова выбрали замысловатые фасоны с оборками на подоле и блузе.

— Не увлекайтесь, девушки, это вам не подойдет, — говорила закройщица, — простота рисунка всегда украшает платье.

Все это мне довелось наблюдать в Орловском специальном сельскохозяйственном училище, в котором готовят для совхозов квалифицированных садоводов и овощеводов. Обучаются здесь девушки в возрасте от 14 до 18 лет, потерявшие родителей в годы войны. До училища они жили в детских домах, а потом перешли в училище на полное государственное обеспечение.

За четыре года они имеют возможность завершить среднее образование и получить квалификацию мастера сельского хозяйства. У училища триста гектаров земли под садами, питомниками, ягодниками, коллекцией овощных культур, есть фермы коров, овец, своя пасека. Для знакомства с техникой имеются новейшие сельскохозяйственные машины.

Кроме занятий в классах и практики, девушки учились здесь готовить вкусную пищу, шить платье, вязать, постирать, пришивать пуговицы, то есть, что обычно делается дома у матери.

Когда приближались новинки, — рассказывает директор училища, — мы прежде всего беседуем с ними о самообслуживании. Девочки увлекаются кулинарией, под руководством шеф-повара учатся готовить пирожки, пельмени. Раньше на всех выпускных вечерах торжественный ужин готовили и сервировали сами девушки.

— Почему раньше?

— Запретили! Нашелся «мудрец» в бывшем Министерстве трудовых резервов, который подсчитал, что дежурство каждой ученицы в столовой один раз в сто дней наносит... большой ущерб учению. Специальным приказом ученикам запрещали дежурство в столовой.

Вместе с директором училища мы осматривали опытные поля. Закончив работу на участках, девушки с песнями отправлялись на речку. Тут, в молодом леске, раскинувшись их летний лагерь.

— Вы бы послушали, как выступают наш сводный хор! — рассказывала педагог. — Двести пятисот девичьих голосов! Девочки занимаются и художественной гимнастикой. Все это развивает любовь ко всему красивому, повышает культуру.

Через два месяца девушки разведутся по домам. Поедут они на постоянную работу, найдут место, обзаведутся хозяйством. Училище поможет им приобрести постельное белье, посуду, все необходимое в хозяйстве.

Приготовить обед для себя они тоже сумеют, несмотря на странный запрет бывшего министерства.

П. МАКУШЕНКО,

специальный корреспондент «Литературной газеты»

ОРЕЛ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 76 (3105)

Суббота, 27 июня 1953 г.

Цена 40 коп.

„Гости“ в родном колхозе

Экзамены окончены. Сегодня у ребят Подлубской сельской школы торжественный день, день вручения свидетельств об окончании семи классов.

Директор школы Степан Павлович Павлов, который вот уже тридцать с лишним лет учителем в селе Подлубка, произносит напутственную речь.

Один за другим выпускники говорят кратко, от души идущие слова благодарности учителям.

Официальная часть закончена, но ребята не расходятся — им, повзрослевшему, не легко расстаться со школой, с педагогами. Разговоры идут на самые различные темы, и снова, уже не в первый раз, пересказывают ребята друг друга, кто куда думает пойти учиться, какую выбрать профессию.

Интересно проследить, какой жизненный путь избирает сельская молодежь, в какие учебные заведения стремятся поступить юноши и девушки, кем хотят быть. Интересно еще и потому, что это помогает выяснить, в какой мере обучение, воспитание в школе прививает молодежи любовь к сельскохозяйственному труду, к таким профессиям, как, скажем, агроном, зоотехник, механизатор...

Директор школы по моей просьбе предложил ребятам ответить на вопрос, кто где собирается учиться, какую получить профессию. Из тринадцати человек пятеро решили поступить в индустриальные или горный техникум, четверо — стать учителями, двое — фельдшерами, один — шофером (обязательно в городе), а один — офицером Советской Армии. Никто не пожелал стать специалистом сельского хозяйства. Почему?

Послушаем, что говорит Женя Бахихов, сын райовой колхозницы артели имени Молотова, Медновского района. Он решил поступить в Калининский индустриальный техникум.

— По-моему, — объясняет Женя, — в городе жить лучше. Там и зарплата постоянная.

— Но ведь и агроном, и зоотехник тоже получают постоянную зарплату? Работа у них интересная.

— Все равно, в городе лучше.

Продолжаем беседу. Хотелось узнать, каковы сельскохозяйственные познания этого живого, бойкого колхозного паренька, только что окончившего семилетку. Речь идет о самых элементарных вещах.

— Пшеницу в нашем колхозе сеют?

— Сеют.

— Какие сорта?

— Женя молчит, не знает, что скажет.

— На какую глубину лучше сажать картофель?

— Сантиметров на двадцать! (?)

Довольно смутные познания об основах земледелия и у Вали Овчинниковой. Она не могла сказать, сколько за день корова может дать молока (это в деревне-то!).

Я заинтересовался судьбой ребят, окончивших семилетку в предыдущие годы. Где они сейчас, какую выбрали профессию? Мы сидим в учительской, вместе с директором просматриваем аккуратно сшитую тетрадь, где записаны имена бывших учеников.

Выпуск 1952 года... Бок Бремеева учится в профтехшколе; Геннадий Сивостнов — в индустриальной техникуме, Грима Васильева работает на ткацкой фабрике.

— Неужто из двадцати человек никто так и не поступил в сельскохозяйственный техникум?

Степан Павлович еще раз прочитывает список своих воспитанников, вспоминает, где они сейчас, отвечает:

— Представьте себе, ни одного!

Обращаясь к списку выпускников 1951 года, выясняется, что из 23 человек, окон-

чивших школу, ни одного нет в сельскохозяйственном техникуме или в вузах.

Разговор зашел о колхозе. Степан Павлович оказался человеком сведущим, знает экономику колхоза, знает людей. После укрупнения колхоза руководить хозяйством стало сложнее, нужны квалифицированные кадры, а их не хватает. Одних колхозческих бригад в колхозе девять, да несколько животноводческих ферм. Больше года здесь не могут подобрать грамотного, знающего бригадира-полевика, заведующего фермой.

Так почему же ребята не хотят ехать на специальные курсы и в школы для того, чтобы работать в колхозе?

— Охотников нет, — сокрушенно качает головой директор школы.

— Можно ли считать, что школа здесь «яни чир» чужа? Нет, нельзя!

Школа вынуждена в том, что выпускники слабо разбираются в элементарных вопросах сельского хозяйства, в основах земледелия и животноводства. Мало, крайне мало знают как и с помощью агрономической, с достижениями агробиологической науки; ученикам неизвестны принципы работы трактора, автомобиля, льнокомбайна, не говоря уже о том, что они не знают, как пускаться в поле, управлять им. Мало кто из учащихся знает о практике выдающихся мастеров высоких урожаев, в том числе и о своих местных, калининских мастерах-лидерах. А ведь, казалось бы, чувство патриотизма, гордость за славу калининского колхозника, должно быть присуще сельской молодежи области. Но школа не прививает этого чувства.

Отрыв от колхоза — серьезный недостаток Подлубской школы: школа сама по себе, колхоз — сам по себе.

Молдинская неполная средняя школа расположена в глубинном Брусовском районе. Своеобразно красивые здешние места. Село окружено основными и березовыми лесами, отменными заливными лугами.

Если колхоз имени Молотова Медновского района ничем особенно не примечателен, то колхоз Молдинский — это разностороннее, культурное хозяйство с полуагрономическим доходом. Село большое. Есть гидроэлектростанция, хорошо оборудованные мастерские, выгнаты, водопровод, агрохимлаборатория. На фермах — племенная скот.

Урожай льна, зерновых и других культур — самые высокие в районе; радио, кино, библиотека давно вошли в быт колхозников.

Председатель артели Евгений Александрович Петров, человек, умудренный жизненным опытом, рассказывает о перспективах дальнейшего подъема артельного хозяйства. В этом году достраивается вторая колхозная ГЭС, широко развертывается механизация трудоемких работ на фермах, идет большое строительство.

Но чтобы выдвигать хозяйство вперед, нужны квалифицированные кадры, люди разных профессий — электрики, механики, строители, зоотехники, ветеринары. Жизнь требует, чтобы, скажем, во главе полеводческих бригад укрупненного колхоза стояли агрономы и агрохимики.

— В специалистах у нас большая нужда, — говорит председатель.

Но, как ни странно, в Молдинском колхозе, как и в колхозе имени Молотова, нет своих агрономов и зоотехников; нет здесь и бригадиров, заведующих фермами из числа молодых колхозников, окончивших местные школы-семилетки и десятилетки.

52 ученика Молдинской школы писали сочинение на тему «Кем я хочу быть», и оказалось, что все, за исключением одной девочки, стремится в город, где, как им ка-

жется, жить интереснее, веселее, где можно полнее проявить свои способности. Деревенские профессии представляются им малоперспективными, «аскутными».

Некоторые из окончивших семилетку в прошлом году обязательно стремились попасть на «легкую» должность, устроиться в какую-нибудь контору. Не для того, мол, учились, чтобы работать в поле...

Наличие тревожное. И свидетельствует оно, в первую очередь, о серьезном пробеле в работе сельских школ Калининской области, да, пожалуй, и не только Калининской. Юношам и девушкам не прививается любовь к природе, к сельскохозяйственным профессиям, перед ними не раскрываются большие перспективы творческого труда, охватывающего землю, обеспечивающего высокие урожаи на основе мичуринской науки. А какое широкое поле деятельности перед зоотехником, электромехаником, механизатором!

В отличие от подлубских учителей, которые считают, что школа тут «яни чир» чужа, молдинские педагоги признают свою ответственность за отрыв школы от сельскохозяйственного производства. И делают правильный вывод — надо смелее браться за осуществление политехнического обучения. Проповедание таких предметов, как химия, физика, биология, основы дарвинизма надо тесно увязывать с применением знаний на производстве.

Пока же в Молдинской школе отсутствуют простейшие элементы политехнической подготовки, преподавание ведется, главным образом, с помощью мела и классной доски. А это приводит к тому, что, по свидетельству преподавателя физики М. Крылова, большинство ребят беспомощны в простейших практических делах. Мало того, что они не знают, как действовать аккумулятор на автомобиле, — когда пошел дождь распахались лошади, школьники не смогли ее запрячь... Вот до каких анекдотов доходит дело.

В Молдине есть пришкольный участок, но польза от него невелика. Во-первых, он слишком мал — всего несколько квадратных метров, во-вторых, обрабатывает его колхозным способом. Землю вскапывают лопатами, семена высеивают руками, тогда как рядом, на колхозных полях, — тракторы, сажалки. Понятно, что никакого подобия колхозного производства в миниатюре на пришкольном участке не существует.

Долго до того, что в Молдине некоторые родители запрещают своим ребятам работать в поле. Так было осенью прошлого года, когда старшесельский помогать колхозу убирать картофель. Иные родители говорили: пусть ребята учатся, а не работают, не для этого их растим... Откуда у людей, знающих великую воспитательную силу труда, такая «точка зрения»? И в этом, думаю, нам, виноват педагогический коллектив, который не воспитывает в школьниках уважения к сельскохозяйственному труду, не ведет разъяснительной работы и среди родителей.

Надо открывать перед сельскими школьниками широкие перспективы сельскохозяйственного образования, работы на полях обновления земли, создания изобилия сельскохозяйственных продуктов. Еще и сейчас не поздно провести такие беседы с выпускниками, но беседы не формальные, а душевные, увлекательные. И привлечь к этому педагогов, специалистов, лучших людей колхозов.

Тогда юноши и девушки, окончившие среднюю школу на селе, не будут себя чувствовать гостями в родном колхозе.

К. ВИНУКОВ,

специальный корреспондент «Литературной газеты»

КАЛИНИНСКАЯ ОБЛАСТЬ

УСПЕХ НОВОГО ЗАЙМА

В городах и селах страны продолжается подписка на Государственный заем развития народного хозяйства СССР выпуска 1953 года. Дружной подпиской на заем советские люди демонстрируют свою безграничную любовь и преданность Родине.

Трудящиеся охотно одалживают государству свой двухнедельный заработок, зная, что эти деньги будут дополнением к государственному бюджету, что трудовые рубли, вложенные в заем, — это новые жилые дома, санатории, стадионы, заводы, фабрики и институты.

Со всех уголков Советского Союза продолжают поступать вестки об огромном успехе нового займа.

НА СНИМКЕ: в сельскохозяйственной артели «Красное знамя» Пушкинского района Московской области. На новый заем подписывается колхозница К. Копалева.

Фото В. БОРОДИНА

СЛОВО ДРУЗЕЙ

Рабочие предприятий Москвы клеймят позором преступные фашистские провокации в Берлине. Собрания, посвященные этим событиям, состоялись на заводах «Красный пролетарий», «Калибр», «Каучук», «АТЗ-1», малолитражных автомобилей, Первом подшипниковом, на фабриках имени Калинина, имени Клары Цеткин, комбинате имени Щербакова, Краснохолмском камвольном комбинате и на других.

Рабочие столичных предприятий приняли обращения к немецким рабочим, в которых призывают их неустойно повышать бдительность. Многочисленный коллектив Московского автозавода имени И. В. Сталина обратился с письмом к берлинским рабочим.

Обращение к берлинским рабочим

Мы, рабочие, инженерно-технические работники и служащие Московского автомобильного завода имени Сталина, клеймят позором преступные авантюры иностранных наймитов в Берлине. Мы знаем, что учиненная 17 июня против немецкого народа провокация тщательно подготовилась теми реакционными кругами западных держав, которые пытаются сорвать дело мира, обострить отношения между странами, посеять смуту между народами и сорвать дело воссоединения Германии.

В эти трудные для германского народа дни мы выражаем полную солидарность с рабочим классом и всеми трудящимися Германии и вместе с ними убеждены, что провокация в демократическом секторе Берлина является делом рук тех, кто боится мирного разрешения германского вопроса, кто страшится упреждения демократических сил германского народа, кому ненавистны успехи Германской Демократической Республики, прочно ставшей на путь мира и демократии.

Организуя провокацию в Берлине, империалистические заговорщики и их пособники из числа крупных западногерманских монополий пытались вовлечь немецкий народ в войну, которая принесла бы ему новые ужасные бедствия и разорение. Преступная авантюра иностранных наймитов провалилась. События в Берлине показали крепость демократического режима в Германской Демократической Республике, поддержку ее Правительства и Социалистической единой партии широкими народными массами.

Мы с радостью узнаем, что трудящиеся Германской Демократической Республики, несмотря на поиски иностранных наймитов, активно поддерживают действия своего Правительства и Социалистической единой партии Германии, направленные на пресечение вражеских вылазок. Нам известно, что германский народ полностью одобряет мероприятия своего Правительства по решительному повышению жизненного уровня населения. Миллионы немцев понимают, что эти мероприятия значительно облегчат решение главной задачи, стоящей перед германским народом, — объединение Германии на мирных демократических началах.

Мы уверены, что рабочий класс и все трудящиеся Германии не поддадутся никаким провокациям, повьют бдительность, образцовым трудом поддержат Правительство Германской Демократической Республики, его борьбу за объединение Германии в единое, демократическое, миролюбивое государство.

Рабочие Германии, вам обеспечена горячая поддержка со стороны всего демократического лагеря! Теснее сплавляйтесь вокруг Правительства Германской Демократической Республики, вокруг Социалистической единой партии Германии!

Да здравствует дружба и сотрудничество между германским и советским народами!

Долой провокации врагов мира!

Как готовилась провокация Ли Сын Мана

«Ли Сын Ман освободил пленных, но не репатрировал их. Фактически он не один раз срывал то, что называлось Объединением. Надеемся на протекание двух лет пытаясь сделать более медленно...»

(Из сообщения агентства Кунейтед Пресс от 19 июня 1953 года)

Трудно не верить тому, что утверждает в этом сообщении одно из крупнейших информационных агентств США. Если сопоставить факты последних лет, если перелистать компютеры американских и других зарубежных газет хотя бы за тот период, когда в Паньмыньчжоне месяцами обсуждался вопрос о судьбе военнопленных, то станет ясно, что высказывание Кунейтед Пресс на этот раз соответствует истине.

Нет необходимости вспоминать все трагические подробности событий на острове Кочжудо — они известны всему миру. То есть, когда Ли Сын Ман и его клика «освободили» из лагерей десятки тысяч корейских военнопленных и насильно заставляли их в свою армию, можно напомнить, что действия американцев и лисымановцев на Кочжудо были направлены к тому, чтобы перегнать повзрослевших в плен бойцов корейской Народной армии и китайских добровольцев к пути на родину, чтобы задержать их насильственно в Южной Корее и пополнить ими битые армии Ли Сын Мана и Чан Кай-ши.

В начале мая прошлого года американский генерал Болсон в ответном письме военнопленным, захваченным его подданным генералом Лоджа, как известно, заявил, что «не будет более принудительного отбора или какого-либо вознаграждения под ружье военнопленных этого лагеря».

Напомним также, что министерство обороны США безуспешно попыталось тогда опровергнуть признание Болсона. Разоблачая смысл этого «опровержения», прогрессивная американская газета «Дейли уоркер» 15 мая прошлого года писала, что весь обман «с добровольной репатриацией» как сообщал корреспондент агентства Синьхуа из Бэсона, 22 июня прошлого года

в ходе переговоров в Паньмыньчжоне представители американской стороны, как известно, открыто заявили, что они готовы передать Ли Сын Ману 27 тысяч военнопленных корейско-китайской стороны, которые были незаконно «классифицированы» ими как «южнокорейские гражданские лица».

Спустя несколько дней американское командование в Южной Корее приступило к «освобождению» из лагерей в Йончоне этих северокорейских военнопленных.

30 июня 1952 года американская газета «Нью-Йорк таймс» напечатала сообщение из Йончона своего корреспондента в Южной Корее Дж. Баррета под заголовком «Союзники освободили 1800 южнокорейцев». Эти плменные, говорилось в сообщении, являются «первой партией из 27.000 пленников, которых было приказано освободить как некоммунистов».

Далее в сообщении говорилось: «Союзное командование решило освободить всю эту большую группу южнокорейцев раньше, чем это было предусмотрено первоначальным планом...»

Баррет сначала указал, что «никаких планов в отношении освобожденных не было», потом обронил замечание, будто «некоторые из освобожденных заявляли, что они готовы и жаждут вступить в южнокорейскую армию», и, наконец, закончил фразой, звучащей, как самое откровенное признание: «Часть из них, возможно, будет призвана на военную службу».

Признавая газету «Нью-Йорк таймс» подтверждает показаниями захваченных в плен Народной армией и китайскими добровольцами солдат, попавших в южнокорейскую армию из американских лагерей для военнопленных.

По сообщению Центрального телеграфного агентства Кореи от 22 декабря 1952 года, Кам Сон Тхэ, военнопленный, находящийся в лагере на Кочжудо, а затем переданный в армию Ли Сын Мана, показал, что «американцы с 1 июля этого (т. е. 1952) года начали «освобождать» плен-

ных. После «освобождения» пленным были выданы «гражданские паспорта». Затем они были насильно отправлены в лисымановскую армию.

Агентство Синьхуа сообщило, что в октябре прошлого года американцы тайно передали лисымановским бандам под предлогом «освобождения» 11 тысяч военнопленных, которых заставляли служить в лисымановской армии... Тот факт, что, кроме этих 11 тысяч военнопленных, американцы еще в июле 1952 года передали в руки лисымановских бандитов 27 тысяч военнопленных, говорит о том, что по меньшей мере 38 тысяч военнопленных были превращены в пушечное мясо для американцев.

В декабре 1952 года в американской печати было опубликовано заявление сенатора республиканца Брэдблэ, в котором он призывает к «замене американцев корейцами на поле боя». Об этом же писал 13 марта этого года журнал «Кунейтед Стейт ньюс энд уорлд рпорт», сообщавший, что предусматривается «укрупнение фронта на сто процентов южнокорейскими войсками». По данным журнала «южнокорейские войска будут доведены с 14 до 20 дивизий».

За счет каких же резервов предполагается этот рост? Об этом открывающее западные южнокорейские газеты еще в декабре 1952 года. Они утверждали, что между американскими военными властями и «правительством» Ли Сын Мана заканчиваются переговоры о передаче северокорейских военнопленных, находящихся в американских лагерях, лисымановцам.

13 мая этого года глава делегации «Войск Объединенных Наций» на переговорах в Паньмыньчжоне, американский генерал Гаррисон потребовал, чтобы в военные комиссии по репатриации из нейтральных государств, создание которой было согласовано между сторонами, были включены только китайские военнопленные, являясь не желающие репатрироваться, а

военнопленные бойцы корейской Народной армии, не репатрируемые непосредственно, были бы «освобождены на месте», т. е. в Южной Корее.

Таким образом, генерал Гаррисон официально предлагал осуществить ту самую операцию «освобождения», которую теперь провозглашал Ли Сын Ман и его клика.

Но предложение, внесенное Гаррисоном, было в конце концов пересмотрено. Только после этого, 8 июня, было достигнуто соглашение о принципах репатриации военнопленных. В нем, в частности, говорится:

«С целью обеспечить, чтобы все (выделено нами.—Ред.) военнопленные имели возможность воспользоваться своим правом на репатриацию после заключения перемирия, обе стороны обратятся к Польше, Чехославии, Швеции, Швейцарии и Индии с просьбой назначить от себя члена комиссии по репатриации из представителей нейтральных государств, который будет создан для того, чтобы взять на свое попечение тех военнопленных, которые, находясь под контролем племенимих держав, не воспользовались своим правом на репатриацию».

Теперь это право десятков тысяч военнопленных северокорейцев, зафиксированное в только что подписанном международном соглашении, где одной из сторон является командование «войск ООН» в Корее, грубо нарушено в результате провокационных действий Ли Сын Мана.

В телеграмме пусанского корреспондента агентства Ассошиэтед Пресс от 18 июня содержится ссылка на «высокопоставленных южнокорейских чиновников», которые заявили, что большинство «освобожденных» военнопленных будет зачислено в лисымановскую армию. То же агентство сообщило, что военнопленные из лагерей в Чиньсане и Самулае были под надзором лисымановских военных полицейских отпущены в близлежащие военно-учебные центры. Военнопленные из других лагерей были направлены под охрану южнокорей-

ской полиции в Пусан и Сеул, где им приказали явиться на привозные пункты.

Согласно сведениям агентства Рейтер, представитель лисымановского «министерства обороны» заявил, что насильно задержанные военнопленные будут включены в вооруженные силы Южной Кореи.

Агентство Ассошиэтед Пресс также сообщило, что военнопленные, которые были вывезены лисымановскими бандами из лагеря в Самулае 18 июня, уже находятся в учебных центрах маршнотетной лисымановской армии в Кланжу.

Широкие общественные круги во всем мире справедливо расценили эту провокацию как прямую попытку сорвать заключение соглашения о перемирии в Корее.

Как же могла быть осуществлена лисымановская авантюра с «освобождением» военнопленных в районе, находящемся под полным контролем командования «войск ООН» во главе с генералом Кларком?

Ведь не было недостатка в сигналах, предупреждавших о том, что отвечает Ли Сын Ман и его клика. Еще 9 июня лисымановское «национальное собрание» открыло резолюцию о «немедленном освобождении всех корейских пленников». А 14 июня английский корреспондент газеты «Обсервер» Патрик О'Донован писал: «Правительство Кореи имеет ряд новых возможностей совершить зло». Одна из этих возможностей состоит в том, «что оно может даже освободить тех военнопленных... которые находятся под охраной корейцев».

Итак, каким же образом мог Ли Сын Ман осуществить свою провокацию, несмотря на то, что все без исключения лагеря для военнопленных в Южной Корее подчинены американскому военному контролю?

Приведем лишь четыре сообщения зарубежных информационных агентств и печати.

Первое сообщение. 18 июня агентство Кунейтед Пресс передало, что «в 13 лагерях, где находились немом-

мунистические северокорейцы, несли охрану около 1300 американцев и 6 тысяч южнокорейцев». Агентство добавило при этом, что «по заявлениям осведомленных лиц, Кларк сознательно пошел на риск, оставив в лагерях корейскую охрану, поскольку он знал, что Ли Сын Ман не намерен допустить, чтобы «патристические настроения» северокорейские пленные находились под контролем преданной нейтральной комиссии».

Второе сообщение. Начальник лагеря для корейских и китайских военнопленных американский генерал Макгарт, как передала пекинская радио 20 июня, «не принял никаких мер даже после того, как лисымановцы вывели из лагеря 25 тысяч северокорейских пленников. Он заявил, что и впредь будет пользоваться южнокорейской охраной в лагерях. Более того, в четверг он сказал: Если южнокорейцы хотят продолжать в том же духе, пусть продолжают».

Третье сообщение. Газета «Вашингтон пост» в редакционной статье, озаглавленной: «Кто распустил военнопленных?», писала 20 июня: «Если официально лица в Вашингтоне действительно так сильно, как они стараются показать, оспаривают попытки Ли Сын Мана не допустить заключения перемирия, они должны задать несколько очень строгих вопросов военным

О НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Для того, чтобы вести научную работу в какой-либо области, необходимо иметь результаты, полученные в этой области не только за последнее время, но и за довольно большой период времени. Задача весьма сложная. Даже ознакомление с текущей журнальной литературой требует иногда столь много времени и усилий, что эта часть работы оказывается самой трудной по всем процессам разработки той или иной научной проблемы. Не приходится говорить о том, что для многих работников некоторые журналы недоступны: они редко или издаются на языке, не известном научному работнику.

Объем публикуемой теперь научной литературы необычайно велик: по химии, например, в 1952 году было напечатано свыше 68 тысяч научных статей, заметок, патентов, книг, представляющих интерес для ученых-химиков. Они вышли на 31 языке в 87 различных странах. Это значит, что ежедневно, не считая и праздничных дней, появлялось 190 новых статей, книг и т. п. Помимо, ни один человек не в состоянии ознакомиться с таким колоссальным количеством материала.

Чтобы сделать этот материал доступным для ученых, давно уже принята система так называемых реферативных журналов по отдельным отраслям науки. В них помещаются рефераты научных статей, аннотации на книги, краткие описания патентов и т. д. Несмотря на краткость этих описаний, реферативные журналы представляют собой издание огромного объема. Так, например, журнал «Кембриджский» (США) за 1952 год дал 8 900 страниц текста большого формата, напечатанного чрезвычайно мелким шрифтом.

Понески нужного материала даже в реферативном журнале требуют известного умения и навыка, хотя, разумеется, это во много раз проще, чем найти оригинальную научную статью в море различных изданий, многие из них даже не очень тесно связаны с той специальностью, по которой ищется научная статья. Дело в том, что статьи по химии, физике, биологии и рядом печатаются в журналах, посвященных медицине или биологии; статьи по математике — в технических журналах и т. п. Для того, чтобы облегчить поиск материала в реферативном журнале, используются специальные указатели: авторский, систематический (в котором материал расположен по определенным рубрикам, распределением его внутри данной отрасли науки), предметный, формульный. Объем этих указателей также очень велик. Для упомянутого уже журнала «Кембриджский» этот указатель в 1952 году занял 2 900 страниц.

До последнего времени реферативных журналов на русском языке не издавалось. Это создавало известные трудности в работе советских ученых, мешало им знакомиться с мировой научной литературой. Бурный рост советской науки настоятельно требовал издания по наиболее важным отраслям науки реферативных журналов.

АНТОЛОГИЯ РУССКОЙ СОВЕТСКОЙ ПОЭЗИИ НА БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ

МИНСК (Наш корр.). Белорусское государственное издательство выпустило в свет антологию русской советской поэзии на белорусском языке.

Антология открывается произведениями великого русского писателя, основоположника советской литературы М. Горького — «Песней о Буреломном» и «Песней о Соколе». Палестинские переводы на белорусский язык стихов В. Маяковского, М. Исаковского, А. Суркова, А. Твардовского, Н. Тихонова и других советских поэтов, всего 90 авторов.

РАССКАЗ

Большой костер

Случилось это несколько месяцев назад. Зима на Кавказе выдалась поздняя. Снег выпал в горах только в начале января. Он выбил лес, ролик, овраги, поросшие кустарником, тщательно замел все горные тропинки. В солнечные дни он слепил глаза, а в лунные ночи сиял холодным голубоватым светом далеких звезд.

В одну из лунных ночей лесника разбудило непонятное гудение. Казалось, над самым ухом кружил шмель.

Жил лесник далеко от людей, в глухой стороне, куда редко доходило шум неумолимой человеческой жизни. Поэтому гудение казалось особенным. Но оно вскоре прекратилось, а лесник так и не сообразил, что это за гудение. Вспомнил прошлое, молодость... Да, многое было... А теперь — что же? Жив себе в медвежьей улоге, стереги живой лес.

За дошлатой перегородкой, отделяющей одну комнату от другой, спала дочь лесника — Нина. Она училась в институте и приехала на каникулы в горы по настоянию своего отца. Ее тоже разбудило гудение, и она подумала: «Самолет».

Воспитывалась Нина в городе у родственников своей покойной матери. Отец давно не вспоминал о ней, казалось, вовсе позабыл ее, и спохватился перед самым окончанием института. Ничего особых чувств не испытывала Нина к леснику, который назывался ее отцом, и приехала сюда лишь по долгу. Завтра или послезавтра она собиралась снова в город. Ей уже известно было место будущей работы. А выбрала Нина глухой, отдаленный район. И на вопрос директора института: «Вы хорошо обдумали свой выбор?» — отвечала:

— Можете не беспокоиться — хорошо! Директор института был вынужден заметить:

— Характер у вас колочий, но девушка вы деловая...

«Верно, характер у Нины горячий», — думал лесник, — надо быть с ней покладистей, может быть, поддержать на старости лет...

И снова мысли его перенесли в далекое прошлое. Так, в неведимых размышлениях, прошел целый час.

Вдруг в сенях яростно залаяла собака. Кадры выглянул в окно: за плетнем маячили две черные тени. Это были люди. Кадры оделся, сунул в гюзы охотничье ружье. Выглянул сени, он крикнул:

— Эй, кто там?

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
27 июня 1953 г. № 70

Проф. Д. ПАНОВ, директор Института научной информации Академии наук СССР

По инициативе президента Академии наук СССР академика А. Н. Нескельнова было принято решение о создании Института научной информации Академии наук СССР. Одной из основных задач института является подготовка и издание реферативных журналов по физическим, математическим, химическим, биологическим, геолого-географическим наукам и технике. Издание подобных журналов, освещающих все достижения науки и техники, — дело большой важности. Знание его трудно переоценить. С выходом этих реферативных журналов советские ученые, представители самых широких кругов нашей интеллигенции, получат возможность ознакомиться на русском языке с мировой научной литературой, с новейшими достижениями науки и техники.

Расцвет нашей, советской науки очевиден сейчас для всех. Небезынтересно в связи с этим отметить, что в статье, опубликованной в апрельском номере за 1953 год американского журнала «Сайнс», авторы статьи Ховертон и Дик, анализируя рост математических публикаций на различных языках мира, констатируют, что в 1950 году по сравнению с 1940 годом количество публикаций на русском языке возросло в 6,63 раза, тогда как на английском языке количество публикаций увеличилось лишь в 1,99 раза, на немецком языке — в 2 раза, на французском языке — в 2,5 раза и т. д. Значение работ советских ученых и значение русского языка, как научного языка, непрерывно растут. В этой же статье авторы отмечают, что «русский язык приобретает все большее значение в области математики». Завершая свою статью Ховертон и Дик так замечают: «Русские ученые делают огромные шаги, независимо от того, правятся нам это или нет. А так как наше существование зависит от правильной оценки положения, то американские ученые пора делать свои заявления о качестве работы русских не на основании редакционных статей американских газет, а на основании других источников».

Авторы, очевидно, имеют в виду работы советских ученых.

Наш Институт научной информации будет издавать в 1953 году реферативные журналы по математике, механике, астрономии, физике и химии. В 1954 году предполагается добавить к этому реферативные журналы по биологическим, геолого-географическим наукам и технике.

Чтобы обеспечить возможно более полное освещение периодической научной литературы, Институт научной информации выпускает все научные и большое количество технических журналов, издаваемых во всех странах мира. Институт, конечно, располагает и всей научной и технической литературой, выходящей в нашей стране. Уже сейчас полным ходом идет рефериро-

вание научной литературы, изданной в этом году. В октябре должны выйти первые номера реферативных журналов. Институт стремится к тому, чтобы реферат вышел в свет не позже как через полтора после опубликования реферруемой научной статьи или книги. Мы надеемся, что уже в 1954 году будем выдерживать этот срок.

Советские реферативные журналы будут возможно шире освещать научную литературу, выходящую на языках народов стран народной демократии.

Кроме подготовки и издания реферативных журналов, наш институт будет обеспечивать научные учреждения Советского Союза копиями научных статей и переводов их с редких языков. В плане работ института имеется также составление библиографических обзоров по отдельным разделам науки. Престоят и серьезные труды по улаждению научной информации, механизации работы в этой области.

Следует отметить, что хорошая поставка научной информации требует больших материальных средств. Издание реферативных журналов себя не окупает и является убыточным. Вот почему большинство реферативных журналов, выходящих за границей, публикуется субсидиями частных организаций. Это создает постоянную угрозу самому их существованию. Так, например, один из крупнейших и старейших реферативных журналов «Бритиш абстрактс» все время находится под угрозой закрытия из-за того, что он не может возместить свои расходы без внешней помощи. В майском номере журнала «Кембриджский» за этот год помещена заметка об организации Института научной информации в СССР, в которой с горечью констатируется: «В связи с тем, что будущее «Бритиш абстрактс» до сих пор остается неясным, интересно отметить создание в СССР нового института — Русского института научной информации».

Можно быть уверенным, что при том внимании и заботе, которые оказывают Коммунистическая партия и Советское правительство развитию науки, дело научной информации у нас в стране в ближайшее время достигнет высокого уровня.

Советские реферативные журналы должны быть по своему уровню лучшими в мире. Этого можно достичь лишь при участии в наших журналах крупных ученых, в совершенстве знающих отрасли науки, в которых они работают. Институт стремится привлечь к участию в журналах в качестве референтов и редакторов широкий круг научных работников. Мы уверены, что советские ученые будут считать делом чести сотрудничество в реферативных журналах.

Каждый ученый, подготовивший для журнала квалифицированный реферат по своей специальности, помогает сотням и тысячам своих коллег, в особенности молодых научных работников и специалистам промышленности получить точные сведения о новых завоеваниях науки, помогает нашим ученым в решении великой задачи — занять первое место в мировой науке.

НАЙДЕНА МОГИЛА А. П. ГАННИБАЛА

ЛЕНИНГРАД (Наш корр.). В Гатчинском районе Ленинградской области находится бывшая усадьба предков А. С. Пушкина — селение Суяда. Ныне здесь располагается Ленинградская государственная селекционная станция.

Недавно местные жители разыскали могилу предка поэта — А. П. Ганнибала, точное местонахождение которой долгое время было неизвестным. Состоится торжественное открытие памятника надгробия с надписью: «Здесь похоронен прадед А. С. Пушкина — Абрам Петрович Ганнибал, выдающийся русский математик, фортфикатор и гидротехник, 1697—1781».

На открытии надгробия присутствовали сотрудники Института русской литературы, представители Ленинградского областного отдела культуры-просветительской работы, колхозники, работники селекционной станции.

В одном из помещений государственной селекционной станции открыт историко-краеведческий уголок. На старом доме бывшей усадьбы Ганнибалов установлены памятные доски.

Читатель продолжает разговор

Для тех, кто в море

БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ, пароход «Рязань». (По радио). Экипаж нашего парохода ознакомился с опубликованной в «Литературной газете» от 19 мая статьей «В море — пароход «Мета». В статье своевременно и правильно вскрыты недостатки в планировании работ судов и учета выполнения грузоперевозок. Хотелось бы отметить, что выступление газеты поможет преодолеть эти недостатки.

Экипаж «Рязани» просит редакцию поставить на страницах газеты и другой вопрос — о культурном обслуживании моряков. Все суда имеют киноаппараты, но на судах отсутствуют, да и уже давно не обновлялись фильмами. А ведь каждая новая картина для моряков — настоящий праздник. В Архангельске, Риге, Мурманске, когда мы просим дать картину попутным, нам отвечают: «Она у нас в запасе для себя».

Плохо также у нас пополняются судовой библиотеки. Новой художественной литературы совершенно не получаем, не всегда во-время приходят к нам газеты и журналы.

БЕЛИКОВ,
капитан парохода «Рязань»
АНТОНОВ,
первый помощник капитана

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«ОПЯТЬ НОВЫЙ ЗАВЕДУЮЩИЙ»

Под таким заголовком в «Литературной газете» 28 мая была опубликована корреспонденция о недостатках в подборе и подготовке кадров для культурно-просветительских учреждений Ростовской области.

Директор Ростовского областного библиотечного техникума тов. А. Коломиев сообщил редакции, что педагогический колледж области статьи и признал правильную критику серьезных недостатков в работе техникума.

Решено в новом учебном году укрепить преподавательский состав, организовать изучение и обобщение передового опыта библиотечной области; назначены конкретные меры по повышению уровня учебно-воспитательной работы в техникуме.

«Серебряная гора»

Вниманием «Серебряная гора» Прити познакомил Смит с Кадры Ноу. Ноу помог иностранцам искать на Серебряной горе сани и нефть. Помощь его заключалась в том, что он сопровождал экспедицию в горы и служил посредником в разговорах с местными крестьянами. Когда установилась советская власть, Смит и его люди ушли в горы, а Кадры Ноу остался в горах в благодарность оставил Кадры крупную сумму денег и взял с него маленькую расписку в получении денег, копию которой только что предъявлял Турчин.

Расписка, как видно, пригодились этим незнакомым людям через три с лишним десятка лет!

Объясните мне... — сказал лесник, все еще не веря ни своим ушам, ни глазам своим. — Скажите мне, каким образом моя расписка очутилась у вас? Жив ли господин Дональд или умер?

— Умер давным-давно, — ответил Турчин. — А расписка? Откуда эта бумажка?

— Секрет, — таинственно прошептал Сарба, — впрочем, ничего секретного; Дональд завещал ее нам.

— И самолет завещал? — с удивлением спросил Ноу, давая понять, что он не такой уж простак.

— Да нет, зачем же самолет! — проворчал Сарба. — Самолет от большого дяди. От дяди с большим карманом и с большой силой.

— Так у вас есть и дядя? — пошутил Ноу. — Да какой еще! Из-за океана! — И тогда окончательно развязал Сарба, Сарба начал ему деньги и сказал: — Тебе... Для какой лешушки?

— Что это? — Ноу, казалось, испугался. — Денег?

— Наверное, не меньше пяти тысяч, — прикинул в уме лесник, пряча в карман стодолларовую. Он весь преобразился, словно помолодел; встал, прошелся по комнате, расправил борю.

Вошла Нина. Девушка порывалась в углы, достала салфетки, скатерть и начала накрывать на стол, стоявший между печкой и окном. Когда Нина вышла, Сарба спросил Кадры:

— Кто бывает у тебя дома?

— Почти никто.

— А деревня близко?

— Внизу, в долине.

— А дочь? Разве она живет у тебя?

Лесник понял, что гости были озабочены его жизнью. Но как им об этом? — Она пришла отдохнуть, — объяснил Кадры. — Улетит завтра.

— Наверное, она не собирается выходить из дому? — спросил Турчин.

Вместо Кадры ответил Сарба.

— Не думаю, — сказал он. — А на всякий случай надо следить за нею. Так надо, — пояснила Сарба Кадры.

Кадры понимающе кивнул ему.

Снова появилась Нина с тарелками и горячей мамалыгой в руках. Она расслышала

ФЕЛЬЕТОН

„Кекембр“

— Ты что-то, жена, борща давно не варила. Июнь на исходе. Давно, небось, свежие овощи появились, — сказал Афанасий Григорьевич, уходя на работу.

Горпина Сидорова взяла кошелку и отправилась в магазин.

Хозяйка шла по улице и не подозревала, что навстречу ей из Кеманско-Днепровского района мчится машина с зеленым люком.

Согласно законам математики, они должны были встретиться в определенной точке. Не произошла сложной вычисления, скажем, в точке торжества. Именно здесь, т. е. в данном случае в одном из магазинов торжества, должны были встретиться интереснейшие колхозники, растущие овощи, и жены нахмуренные, мужа борщом.

Итак, встреча предстояла. Она намечалась, все было логично. Она произошла.

Но случилось иначе. Горпина Сидорова в магазин вошла, а машина с зеленым люком, не разгрузившись, повернула обратно в Кеманку. За 120 километров. Почему?

Но сначала о Горпине Сидоровне. Вошла она в магазин № 93 первого Запорожского горништорга.

— У вас есть свекла, лук или какие другие овощи? — спросила она продавца.

Тот молча показал на прилавок.

— Так что же это за лук! — воскликнула хозяйка. — То же один стрелы. Я из лука стрелять не собираюсь.

— Нужно смотреть, гражданин. Для чего вас грамоте учат? Не видите, написано: первый сорт, — ответил продавец и отвернулся.

Высказав продавцу свое невольное мнение о его воспитании, Горпина Сидорова двинулась дальше. Она обходила десяток магазинов первого горништорга. — № 132, 26, 48, 15, 11, 1, 4, 14, 23. Везде ей предлагали лук во всех его разновидностях: лук со стрелой, с цветком, с жужжальными перьями, всякий лук, кроме свежего.

Впрочем, в одном магазине для разнообразия ей предложили желтый салат и туговязую редиску.

— Позовите заведующего! — попросила Горпина Сидорова. Однако выяснилось, что он уехал на базу.

— Это очень хорошо! — воскликнула хозяйка. Будучи женщиной тихой, но упорной, она решила тоже пойти на базу и выяснить, почему в магазинах нет овощей.

Возле самой базы ее едва не сбил с ног машина, та самая, которая в начале нашего рассказа ехала навстречу Горпине Сидоровне. Резко затормозив, машина остановилась. Из кузова на мостовую посыпался чудесный свежий зеленый лук.

— Вот это лук! — не удержалась она. — Какой ровенький да молоденький. Куда же вы его возезте?

Человек, сидевший рядом с шофером, с досадой махнул рукой.

— На салалку!

— Что вы говорите! В магазинах свежего лука не найдешь, а вы такое преступление хотите совершить?

— Потому и хотим, что не можем ждать, пока в первом горништорге весь лук перепортился. Тогда, может быть, на базу никто не пойдет и свежий. Затоварился луком, не сумели продать, вот и не принимают.

— Как же так?

— А вот так! Вчера машину совхоза имени Сталина завернули разгрузившей. И сегодня то же выдумали: товар не кондиционный. Я сам как назид сдал ОРСУ «Запорожстан» полтоны первым сортом.

Возьмите, говорю, у нас хоть вторым... Ну, хотя бы третьим... Не везти же его обратно. Они и слушать не хотят. Даже табличку на двери повесили: «Закрыто на переучет».

— Можете, они на вас за что обиделись? — высказала свое предположение хозяйка.

Ее собеседник даже из кабинета высочил: — Обиделись! А на совхоз имени Ворошилова они тоже обиделись! Весной кричали: дайте нам 33 с половиной тонны свежих овощей! А сколько взяли, спрашиваем: а вас? Две и три десятых тонны взяли на сегодняшний день! Лишней заботы боясь.

Конечно, овощи — не консервы. Быстро портятся. Им торговать нужно уметь. Пойти на окраины. На вокзалы. На пристань. В столовые дать побольше. А то, что получится? Ни в одной закуской не найдешь салата из огурцов или только с луком. Угощают рыбой. Вот вы, гражданин, тоже, я вижу, луком интересуетесь. Пожалуйста, возьмите сколько вам нужно.

— Спасибо за доброту. Только я не возьму. Варуг Афанасий Григорьевич и в другой раз борща захочет. Где же я вас искать

тогда буду? Не ехать же в Кеманку! Я лучше пойду на базу, попрошу, чтобы овощи в магазинах продавали.

— Это дело хорошее. Но думаю, база вам не поможет. Здесь нужно до самого большого начальства идти...

Горпина Сидорова пошла в облисполком. Там ее встретили вежливо. Она очень удивилась, когда заместитель председателя облисполкома тов. Шестопалова твердо сказала:

— Вы правы. Нам известны эти возмущительные факты.

— Так что же вы сделали, чтобы поправить ситуацию? Очень много! — болдо ответила тов. Шестопалова и позвонила.

Секретарь принес решения исполкома по торговле за май месяц. Она зачитала любознательной Горпине Сидоровне некоторые выдержки из решений. Горпина Сидорова записала их, чтобы рассказать потом все Афанасию Григорьевичу.

Вот ее запись:

6 мая. «Слабо осуществляется контроль за ходом заготовок и завоза ранних овощей... в результате чего план на 1 мая выполнен на 19%».

«Обязать т. Боброва в пятидневный срок обеспечить прикреплению колхозов пригородных зон к магазинам...»

9 мая. «Исполком отмечает, что Облторготдел (т. Бобров) и Облпотребсоюз (т. Сокурта), крайне неудовлетворительно готовятся к сезону заготовки и переработки овощей и фруктов».

23 мая. «В целях своевременной и полной реализации картофеля, овощей, фруктов обязать Облторготдел (т. Бобров)... установить месячный и декадный графики сдачи-завоза плодородных продуктов».

27 мая. «Облторготдел (т. Бобров) и исполком Запорожского горништорга не принимают мер к улучшению снабжения населения г. Запорожия ранними овощами».

27 мая было вынесено еще одно решение, в котором тов. Боброва обязали в пятидневный срок «составить до каждой торговой организации задания по завозу для торговли и общественного питания ранних косточковых плодов».

— Решений много, — сказала Горпина Сидорова, — а вот овощи бы еще имели! Сегодня восемнадцатое июня, а в магазинах, кроме старого лука, никаких овощей нет.

И Горпина Сидорова решила лично поговорить с тов. Бобровым, поскольку ей казалось, что именно из-за него она не встретила с машиной в торговой точке.

А тов. Шестопалова тем временем энергично и решительно принялась составлять график фактической потребности городов Запорожской области в овощах и фруктах... Но к Александру Гавриловичу Боброву Горпину Сидоровну не пустили.

— Он занимается, — сказал секретарь. — Подождите, пока освободится, все равно день пропал, — про себя решила Горпина Сидорова, а вслух спросила:

— Здесь можно посидеть?

— Сидите, гражданинка, сколько вам угодно. Он сегодня долго будет заниматься. Из-за торговли он все учение запустит.

— А какое же учение, позвольте вас спросить?

— Что же, вы разве не знаете? Овладевает теорией. В кандидаты наук готовится.

— Кем же? — доносила из-за двери раскатистый бас. — Кекембр!

— Что же с ним делается? Может, он на помощь зовет? — встревожилась Горпина Сидорова и даже встала со стула.

Секретарь с сожалением посмотрел на женщину и объяснил:

— Он английский язык изучает. Кекембр — это по-английски огурек. Понимаете?

— Не совсем, — вздохнула Горпина Сидорова, — моя внучка тоже изучает английский, так у нее огурек — кьюмбар. А когда же и в магазинах будет «кекембр», позвольте вас спросить. Может, Александр Гаврилович вам говорил об этом?

— Не знаю, — сказала Горпина Сидорова, — думаю, он говорил, но Горпина Сидорова не слышала.

«Конечно, он человек ученый, этот Александр Гаврилович, — думала она по пути. — Найдет, что ответить! Только что же я скажу Афанасию Григорьевичу, почему я борща не сварила. Урожай в Запорожье хороший, а в магазинах овощей нет».

В. ШАПОШНИКОВА
Г. ЗАПОРОЖЬЕ

Я веду тебя, Сулико,
В удивительные края.
Это, кажется, далеко —
Там, где юность жила моя.

Это было очень давно...
Украина... Сиянье дней...
Гулял-полюс легит Махно
И прищипывается в меня.

Я был глупым щенком тогда,
И впервые узнал, поверь,
Что «наган» тяжелей куда,
Чем иррегулярный револьвер.

А спустя два десятка лет —
Это радийком, поглядяй! —
Я эсэсовский пистолет
Отшвырнул от твоей груди...

Дай мне руку! С тобой вдвоем
Вспомним зарево дальних дней.
Осторожнее! Мы идем
По дорогам моих друзей.

А ты знаешь, что значит — терять
Друга близкого? Это — знай:
«Здравствуй!» тысячу раз сказать,
И внезапно сказать — «Прощай»!

В жизни многое я узнал,
Твердо верую, убежден —

Проектруется канал
Юность — Старость, как Волго-Дон...

Будь послушною, Сулико,
Мы поведем с тобой в края,
Где, действительно, недалеко
Обитает старость моя.

И становится мне видней,
Как, схватившись за посомош,
По ступенькам грядущих дней
Ходят британский старик.

Это — я! Понимаешь — я!
Тот, кто так тобою любим,
Тот, кого считали друзьями
Нескопачасо молодым.

В жажде поднигов и атак
Робко под ноги не смотреть —
Ты пойми меня — только так,
Только так я хочу стареть!

Жизнь, а, страшного не боюсь,
Драгоценностей не храни,
И с любовью в последний час
Вся земля обнимет меня.

Сулико! Ты — моя любовь!
Ты всю юность со мной была,
И мне кажется, будто вновь
Ты из песни ко мне пришла.

Вечер в Центральном доме литераторов

Михаил Светлов давно вошел в квартиру таланта и живет в ней по праву, сказав Вера Инбер, отъезжая вчера в Центральный дом литераторов, устроенный в связи с пятидесятилетием поэта. — Его творчество отмечено преданностью высоким идеям служения народу, бережливой, внимательной любовью к человеку, романтической поэтичностью, добротой иронией, — характеризовала М. Светлова во вступительном слове Е. Златова. — Его образ неразрывно связан с образом его лирического героя. В поэзии Светлова отражена комсомольская молодость нашей страны.

Поэты М. Алигер, А. Безыменский, С. Васильев, А. Жаров, С. Киселев, В. Юговской, М. Матусовский, В. Саянов, С. Смирнов, М. Соболев, А. Сурков и С. Шипачев приветствовали юбиляра, читая посвященные ему стихи, поздравляя от поэтов старшего и младшего поколений, от правления Союза советских писателей СССР, от секций поэтов, от редакций, издательств, журналов. В ответном слове М. Светлов сердечно благодарил собравшихся за оказанное ему внимание, говорил о том, что «в последние годы писал беспорочно мало». Вечер закончился театрализованной программой Центрального детского театра.

ЖИВЫЕ СТРАНИЦЫ

Листья бумаги, пожелтевшие от времени, чернила кое-где выцветшие... Вглядываясь внимательно и видим строки знакомого стихотворения А. Пушкина «Веселый мир».

Перед нами одна из экспонатов выставки, которую недавно Государственный литературный архив СССР показал московским писателям. Из стен хранилища были привезены в Центральный дом литераторов драгоценные автографы, письма и рукописи, черновики, мемуары писателей, художников и артистов, начиная с записи М. Ломоносова и кончая рукописями современных авторов.

«Беская строчка великого писателя становится драгоценной для потомства. Мы с любопытством рассматриваем автографы... Нас невольно поражает мысль, что рука, начертанная эти смиренные пикиры, эти незначительные слова, тем же самым почерком и, может быть, тем же самым пером написала и великие творения, предмет наших изумлений и восторгов» — писал свыше ста лет назад А. Пушкин. И, глядя на строки стихотворения П. Вяземского, с редакторской правкой А. Пушкина, на черновой набросок стихотворения М. Лермонтова «Смерть поэта», мы невольно испытываем именно эти чувства...

Мы видели и письмо Н. Гоголя к В. Белинскому. Оно было на выставке — пожелтевшее, с выцветшими буквами, разорванное и тщательно склеенное из сорока восьми мелких кусочков.

А вот рукопись Н. Чернышевского «Материя варит кашу», и тут же музыка к ней, написанная советским композитором В. Шеллиным. Датированное 1847 годом письмо И. Тургенева к В. Белинскому, рукописи писателей XIX—XX веков, дневник А. Чехова (1896—1903) с записями его о встречах с Л. Толстым.

Много интересного было и в той части выставки, которая посвящалась советским писателям. Большой портрет Максима Горького с надписью «От калики перекожего»

Горького богатейше русской живописи Васнецову на память». Другой экспонат: «Облако в штанах» В. Маяковского с дарственной надписью М. Горькому. Первый набросок романа А. Сергеевича «Железный поток», первые издания книги Д. Фурманова «Чапаев», и прямо по печатному тексту авторская правка. Привозились и постеры, уцелевшие, Николай Островский начал работу над романом «Как закалялась сталь». Мы видим его первую страницу, написанную автором с помощью транспаранта.

Работники литературного архива В. Попов, Л. Зурабьян, М. Козлова, профессор Н. Алексеев рассказали писателям о документальных богатствах и новых поступлениях литературного архива. Естественно, что на выставке была показана лишь малая часть того, что хранится в этом музее истории литературы. А хранятся здесь архивы свыше ста советских писателей — примерно миллион различных рукописей, записок, документов и писем, не считая огромных архивов писателей старой России. В фондах сохранились, например, почти все «Огни РОСТА», рукописи и записные книжки В. Маяковского, рукописи и переписка А. Сергеевича, более полутора тысяч стихотворений В. Лебедева-Кумача и многое, многое другое. Сотрудники архива задумали собрать теперь тексты лучших советских писем. М. Исаковский, закончившая свой рабочий год, как правило, слез Литературному архиву весь «отработанный» материал. Поступившая сюда рукопись тщательно изучается, а если плохо, вывели чернила или ослабла краска, то и восстанавливается.

Историки, писатели, литературоведы нередко обращаются к материалам Литературного архива и в своей личной работе и при подготовке к изданию собраний сочинений русских классиков.

Н. БАЗАРОВА

Всемирный Совет Мира присудил Почетную Премию мира поэту и национальному герою Болгарии Николае Вапцарову, вавшему в борьбе с нацизмом.

Это решение встретило горячее одобрение простых людей всего мира. Стихи поэта-патриота, переведенные на многие языки, горячо любимы читателями разных стран.

Мы публикуем сегодня воспоминания болгарского писателя, лауреата Димитровской премии Младена Исаева, который в 1942 году вместе с Вапцаровым был арестован за участие в антифашистской борьбе.

Он вошел в нашу среду, среду писателей-антифашистов, художников, артистов и музыкантов, как старый друг и товарищ. Никто из нас еще не знал тогда, что он пишет стихи, никто из нас не мог познакомиться тогда, что за удивительно скромной внешностью этого человека кроется большой талант. Только в разговорах с ним, из его богатых высказываний, мы узнавали, что у него безгранично верное чувство к настоящему художественным произведениям, к их идейной силе, к неистощимому воздействию на человеческую душу.

Потом Вапцаров поступил работать паровозным котелником, днями и ночами ездил по стране и редко появлялся в нашей среде. Из длительной поездки он возвращался очень истощенным. От пребывания в длительном поезде перед глазами появлялись картины паровозной толпы, лица его побледнели и удлиннились, глаза потемнели от бессонницы. Но он никогда не жаловался. Несмотря на то, что тяжелая работа на паровозе высасывала его силы, он любил машину и технику вообще — сильную человеческую страсть. В этой его любви к машине было что-то романтическое.

Для систематического самообразования у него оставалось очень мало времени. Но читал он с горячим увлечением настоящие поэты, подолгу глубоко размышляя о прочитанном. Его любимым чтением была художественная литература. Он читал в оригинале русских писателей — Горького, Толстого, Маяковского, учился у них.

В своих отношениях с людьми он был чужим и теплым. Было что-то подкупающее в мягком тембре его голоса, в бархатной мягкости его взгляда, в его широкой человеческой улыбке. Не уступавший в главном, он всегда шел на компромиссы в мелочах, никогда не участвовал в мелких спорах. Но когда нужно было отстаивать свои идеи, когда нужно было защищать принципы свободы и будущего человеческого счастья от нападок врагов, он вдруг преображался. Голос его становился суровым, глаза метали молнии, густые черные брови изгибались, как распростер-тые крылья орла, ринувшегося в бой.

Тогда слова сыпались из его уст, как пули из пулемета, наскандывая одно на другое, и он как-то красиво заикался. Таким я его и помню: твердым, бескомпромиссным, непримиримым в спорах с открытыми глазами, врагами его идей. В ошибавшемся, но честным и добрым людям Вапцаров был крайне внимателен, терпеливо объяснял им, помогал им крепко встать на ноги. Ему были чужды сектантская ограниченность, мелочная прищипчивость и интеллигентское высокомерие.

Мы в крепкой ссоре, жизнь и я, но нет, не думайте, друзья, что жизнь мне ненавистна. Совсем, совсем наоборот! Когда и смерть ко мне придет и в излобье стает,

Никола ВАПЦАРОВ

ВЕРА

Вот я живу, тружусь, даю, на свой манер стихи пишу. Мы с жизнью строго хмурым лоб, друг другу глядя в лица, и я, насколько я могу, с ней буюсь и буду биться.

Мы в крепкой ссоре, жизнь и я, но нет, не думайте, друзья, что жизнь мне ненавистна. Совсем, совсем наоборот! Когда и смерть ко мне придет и в излобье стает,

Когда гитлеровцы

напали на Советский Союз, Вапцаров со всем жаром своего революционного и романтичного темперамента бросился в борьбу против гитлеровских поглотителей и их прихвостней.

Уйдя с работы на софийской утилизационной фабрике, он весь отдался нелегальной работе. Как-то поздним вечером осенью 1941 года он пришел ко мне, весь промокший от дождя, не спавший три ночи, смертельно уставший. «На этот раз хорошо обошлось», — начал он, особенно довольный. — У Варны встретил их. В лодке прибыли. Позиция напрасно рыскала. Нашел я им безопасное убежище, а потом они поодиночке ушли в глубь страны. Я слушал его и радостно убеждал, что речь идет о смежных людях, наших соотечественниках...

В первые месяцы 1942 года я узнал, что начались аресты, и предупредил Вапцарова, чтобы он не ночевал дома, не ходил днем по улицам. И он, действительно, принял меры предосторожности. Но, к сожалению, как видно, было уже поздно.

Ранним утром в начале марта 1942 года Вапцаров был арестован.

Четверть месяца пытали его инквизиторы из управления полиции. Семь раз его связывали веревками, бросали на пол и били резиновыми дубинками до потери сознания...

После четырехмесячного ада мы встретились с ним опять. Встретились в темном закрытом автомобиле, в котором нас перевозили из тюрьмы в центральный тюрьму. Нам вручили обвинительные заключения. Вапцаров взял акт, перелистал его и усмехнулся:

— Для нас требуют смерти. Ничего... Его бледное продолговатое лицо стало еще бледнее, еще прозрачнее. Высокий и нежный сутулый, теперь он еще больше сгорбился. Из уст вырвался сухой подерзгивательный кашель.

Как заключили по восемь-девять человек в камеры, которые были предназначены для одного человека. Я попал в камеру вместе с Вапцаровым и журналистом Антоном Поповым. Это было в начале июля 1942 года. Через несколько дней должен был начаться наш процесс — процесс несправедливых патриотов-антифашистов. В числе подсудимых по этому процессу были и члены Центрального комитета Болгарской рабочей партии, и среди них — старый деятель рабочего движения Антон Иванов.

Нам, подсудимым, совсем не разрешили выходить на тюремный двор. Всего на несколько минут нас выпускали в коридор. Случилось так, что в первый же день во время такой короткой прогулки мы увидели, как из соседнего крыла тюрьмы, под охраной, вывели группу заключенных.

Спустился час один из тюремщиков сказал нам, что восемнадцать выведенных муж-

жизнь, только жизнь, с ее ручными из стали, любить я буду, буду я любить!

Пусть, скажем, галстуки из пенки на шею мне набросат и так при этом спрост: «Скажи-на, хочешь ты мне прожить одним хоть часом болеть?» — взвесь я, как от боли: «Живей, живей, злоден, снимите петлю с шеи!»

Для жизни все бы сделал я! Да, все бы сделал я! дружка, Я за штурвалом, как пилот, повел бы новый самолет. Я мог бы, сев в ракету, один отправиться искать

член расстреляны в туннеле военного стрельбища при арсенале. В числе расстрелянных был полковник Цвятко Радойнов, болгарин, вернувшийся из Советского Союза и вставший во главе вооруженного сопротивления народа против немецко-фашистских поработителей и их лакеев. Одним из первых его помощников в тяжелой нелегальной работе был и Вапцаров.

Когда Вапцаров узнал, что Радойнов расстрелян, он лег лицом вниз, а я видел, как содрогались его приподнятые плечи. — Знаешь, каким человеком он был? — тихо прошептал Вапцаров, словно доверяя мне интимную тайну. — Такого сердечного, преданного коммуниста, такого типичного человека и друга я никогда не встречал. Он был поглощен круглосуточной работой. А когда он узнал о смерти моего сына, то разволновался и долго расспрашивал меня и утешал...

Как и его учитель в нелегальной работе — Радойнов, Вапцаров принимал близко к сердцу судьбу своих товарищей. В глазах нашей камеры подполковник Вапцаров товарищ и делался своей тенью по поводу угрожающего им смертного приговора. Он успокаивал их, шутил, смеялся. Это подбодряло людей.

Наш процесс начался 6 июля 1942 года. Опыт нас, заключенных в камеры, вывели в темном автомобиле в казарму, где рассматривалось дело.

Целых три недели мы провели в Вапцаров в камере и в зале суда. И ни разу я не видел, чтобы он дрогнул перед смертью, оживавшей его. Он не говорил о ней. Только как-то поздно вечером, когда лежал, мы говорили шепотом, чтобы не мешать заснувшим товарищам, он сказал мне: — Противное дело — смерть. Знаешь, незадолго до моего ареста, когда поздно вечером я шел по покрытой льдом улице, я

далекую планету. И был бы счастлив: под собой простор я б видел голубой, забравшись в высью такую! Да, был бы счастлив я вполне. И знать отродно было б мне, что жив я, существую!

Но если б, например, дружка, отнять кто вздумал у меня хотя бы зернышко одно моей несметной веры, я так бы заревел, вскопич, как, в сердце пулю получив, ревет в лесу пантера.

Что? Что б осталось от меня после такой покрини? Я стал бы жалким ничим! Я...

Да, если все сказать, дружка, после такой покрини, не в силах быть самим собой, я б вовсе сгинул даже.

Быть может, хочешь кто-нибудь мою разрушить веру в приход счастливых новых дней и в то, что лучше и мудрей жизнь наша завтра станет?

Разрушить? Клян и чем, дружка! Нет, дружка, не стоит и пытаться: она в груди ведь у меня! И пули ты броно

Быть может, пулей? Нет, дружка, не стоит и пытаться: она в груди ведь у меня! И пули ты броно

еще никто не смог отлить! И никто не смог!

подумал о смерти. Просто так, представил себе, как в этот миг меня пронзает пуля, я падаю на мостовую и остаюсь лежать. А мостовая покрыта льдом, холодно, отвратительно, мучительно... Ледяные мурашки пробегают по спине. Смерть! Как она отвратительна!

После этого ночного разговора Вапцаров никогда не упоминал о смерти. Он знал, он чувствовал своей богатой душой поэта, что она близка, что может быть, осталось всего несколько дней. Но не дрогнул...

Иногда ему сообщали о героических подвигах партизанских отрядов его родного края — легендарной Пирин-паланки. Он радовался этим хорошим новостям, как ребенок, подробно расспрашивал о каждом знакомом. Если ему сообщали о чьей-нибудь гибели, то глубокой скорби омрачала его лицо.

А вечером, когда мы ложились спать, он начинал:

— Знаешь, как красив Пирин! У нас нет горы красивее. Самые лучшие детские воспоминания связаны у меня с Пиринком. Эх, об одном жалею, что не мог побродить с партизанским отрядом по Пирину...

Чистой, новой, революционной романтикой была полна душа этого тонкого поэта и коммуниста. Будучи матросом, он видел много далеких морей, экзотических берегов и островов. Но красивее всего считал свой родной Пирин. Потом — техника на бумажной фабрике, паровозный котелник, рабочий софийской утилизационной фабрики — таким был его тяжелый трудовой путь. Он закалялся в огне этого труда. И еще более тонкой и чуткой стала его душа революционного романтика, патриота и поэта.

Когда судебная комиссия закончилась, я предостерегал суда дал нам последнее слово, Вапцаров заявил:

— Я действую с полным сознанием, что служу своей родине, как верный сын. Не раскаиваюсь, Милостив не прошу.

Нас вернули в камеру. Через три дня, в одиннадцатом часу, всех подсудимых вызвали выслушать приговор. Вапцаров чувствовал, что наступили его последние часы. Но и теперь не дрогнул. Он протянул мне записную книжку в черной кожаной обложке со словами:

— Возьми эту и сохрани.

А в этой книжке были новые стихотворения, написанные в дирекции полиции и в тюрьме — его предсмертные мысли.

В зале суда было тяжело, мучительно. Публика была совсем мало — из наших близких присутств не было.

Председатель суда прочел приговор: — Имеешь его величеством даря... суд приговаривает к смерти через расстрел Антона Иванова Козинарова, Николаю Йованова Вапцарова, Атанаса Романова, Антоана Попова, Петра Богданова... — и он перечислил двенадцать имен.

В заключение президе- сел объявил, что приговор должен быть немедленно приведен в исполнение.

В зале раздались крики женщин и детей. Женщины и дети плачевали в последний раз со своими мужьями и отцами. Расстрелялись и мы с нашими товарищами, которых отстреляли на стрельбище. Прикоснувшись губами к лицу Вапцарова, я ощутил холод близкой смерти. Но он стоял спокойно, даже слегка улыбался.

— Прощай! — сказал он, и я почувствовал восторг бесконечной любви человека, товарища, друга...

Младен ИСАЕВ

ОБСУЖДАЕМ ВОПРОСЫ МАСТЕРСТВА ПРАВО, НЕ СМЕШНО...

Перед нами шесть отаредных книжек «Библиотечка «Брокода». Перелиставши их одну за другой, и грустные мысли приходят в голову. Чудится, будто все рассказы и фельетоны, из которых составлены эти книжки, принадлежат перу одного и того же автора, да еще к тому же человека мрачного и вообще не склонного к юмору. Человек этот, судя по его сочинениям, суров и раздражителен, а если ему подчас и кажется, что необходимым пошутить, то он делает это нехотой, точно выполняя неприятный, насущный ему долг. Любопытнее также, что этот автор, когда ему случается выступать в жанре сатирических фельетонов, вовсе не стремится воздействовать на носителя ала, о которых он повествует, памятуя слова Гоголя о том, что «насмешки боится да же тот, который уже ничего не боится на свете». Вместо этого в подавляющем большинстве случаев он попросту называет своих героев по имени, отчеству и фамилии, сухоавто перечисляет их прегрешения и призывает прокуратуру заинтересоваться их деятельностью.

Чем вызвано это удручающее однообразие? Почему в рассказах и фельетонах Б. Егорова и И. Полищука, Л. Митинского, С. Шатрова, А. Ерохина, Е. Весенняя, И. Костюкова так неизменно повторяются одни и те же черты и шесть книжек, принадлежащих перу семи литераторов, выглядят так, будто писал их один человек? Видимо, потому, что авторы этих книжек ставили перед собой совершенно одни и те же задачи, а главное — стремились решать их возможно более простым и легко доступным способом. Видно, потому, что они приложили слишком мало усилий, чтобы поднять те простоты и тех персонажей, о которых они написали, до уровня сатирических обобщений.

Но будем справедливы. Ведь многие фельетоны, о которых идет здесь речь, опубликованные в свое время в журналах и газетах, принесли несомненную пользу. И кто знает, не будь они напечатаны, где-нибудь и по сей день продолжали бы орудовать жулики и проходимцы, а честным людям от них не было бы житья. Многим, вероятно, памятен, например, фельетон Е. Весенняя «Будем знакомы!», иллюстрированный портретами семи рогозцев и обманувшего их проходчика. Можно ли сом-

неваться в том, что фельетон этот оказался полезным?

Но в том-то и дело, что сила воздействия такого фельетона, в сущности, сведена к оперативному воздействию на судьбу описанных в нем людей, а будь он задуман и написан по-иному, она, эта сила, могла бы оказаться большей. И это становится особенно очевидным, когда перечитываешь фельетон Е. Весенняя в книжке. Здесь фельетон выглядит и воспринимается совсем по-иному, чем в газете или журнале, и читая его, невольно предъявляешь к нему совершенно иные требования.

Ведь помимо того непосредственного действия, какое оказало выступление фельетониста на судьбу названного им проходчика и его покровителей, можно было рассчитывать на то, что фельетон научит читателей в любой обстановке и при любых обстоятельствах распознавать мошенников, похожих на весеннего «героя». К сожалению, а в нынешнем своем виде выполнить эту функцию фельетон не сможет никак. Прочтя его, читатель настроится; если этому читателю вверено какое-либо учреждение, он начнет внимательно читать документы, предъявляемые людьми, которых ему случится принимать на работу; наконец, он примет подозрительно вглядываться в лица окружающих, но найти среди них Тимофеева, если таковой между ними имеется, ему будет так же трудно, как и от чтения фельетона. И произойдет это потому, что Тимофеев у Е. Весенняя — не явление, не тип и даже, в сущности, не характер, а действующее лицо единичного происшествия.

Совершенно такой же метод в борьбе с носителями такого же зла применяет А. Ерохин в фельетоне «Рогозец» с той только разницей, что здесь отсутствуют фотографии «героев» и что рассказано здесь уже о двух проходчиках и о нескольких поповых, чем у Е. Весенняя, количество поповых на их удочку простоты.

Без злобы и яда, без тени злостности или сарказма пишут наши авторы о вселенских мерзостях и мерзавцах, не давая себе труда ни найти типические черты в том, о чем пишут, ни помочь читателю постигнуть природу и смысл этих явлений.

Но от сатирических фельетонов, да еще собранных в книжках, читатель вправе

требовать большего. Фельетонист-сатирик должен ставить себе иные цели. Их задача гораздо труднее и гораздо почетнее. Им надлежало бы высказать это, и высказать так, чтобы любое его произведение вызвало в воображении читателя образы, навеянные их сочинениями, как это бывает, когда сталкиваешься с мифическими уроками, друзьями и негодями, описанными некогда в баснях Демьяна Бедного, стихах и пьесах Маяковского или фельетонах Пльа и Петрова. Ведь эти авторы, часто не называя фамилий носителей зла, усложняли их жизнь и прешествствовали их деятельности не меньше, чем если бы прямо указывали работникам прокуратуры их точные адреса. И этому никогда не препятствовало оперативное назначение газетного фельетона. Упоминание полных фамилий, рассказ об истинных прегрешениях вовсе не мешают фельетонисту обобщить явления, о которых он повествует.

Однако книжки, перечисленные нами, составлены не только из фельетонов. В некоторых книжках собраны юмористические рассказы, где действуют вымышленные герои и явственно сказывается стремление к созданию обобщенных, собиравшихся образов. Здесь также блуждают различные олицетворения порока, но, разумеется, о внешности прокуратуры нет и речи, а строгая сумрачность повествовательной манеры по временам озабочивает несмелой улыбкой. Беда лишь в том, что улыбка эта не вызывается у читателя ответного желания улыбнуться.

Возьмем, к примеру, рассказ Л. Костюкова «Воспитатель». В нем повествуется о том, как некий Михаил Михайлович Репейников «в один из длинных декабрьских вестеров едет на районном собрании хозяйственного актива и слушал доклад о состоянии работы среди женщин». Репейников размышляет о том, что сам он совсем не занимается воспитанием жены. Размышления его прерывает такая фраза докладчика: «...Муж растет, учится, а про жену забывает. Даже среди присутствующих есть имеются товарищи, которые...» Здесь автор в свою очередь прерывает докладчика и делает попытку пошевелить читателя в том же духе, о каком говорилось выше. Он пишет: «Голова Репейникова медленно стала втягиваться в плечи, и, если бы не кисти, он, вероятно, сплывался бы до формы блина».

Следующий за этим абзац посвящен новым покаянным размышлениям Репейникова и завершается его решением «немедленно пойти и поговорить с Леной». По дороге домой Репейников размышляет о том, как ему следует поступить к воспитанию жены. Он описано это так: «В его голове, как танцующие пары на балу, кружились планы один за другим». И снова у читателя возникает ощущение, словно автор чего-то ждет от него, и снова ему нечем порадовать автора, потому что уподобление мысленных планов Репейникова танцующим парам не вызывает ничего, кроме горестного недоумения. Но вернемся к рассказу. Придя домой и поужинав, Репейников ложится на диван, по-прежнему раздумывая о воспитании своей жены. Тут глаза его начинают слезиться, и он прикладывает к себе, только заслышав ее голос. Вот что она говорит:

«...Михаил, я давно хотела с тобой поговорить... Да подожди же ты спать, слышишь!.. Видишь ли, Миша, в чем дело: ты настолько контроли, у тебя есть подчиненные, и я не представляю: как ты ими руководишь?»

— Ты к чему это? — ноги Репейникова описали траекторию и опустились на коврик.

— Б тому, что ты совсем не работаешь над собой. Книг не читаешь, в кино дорогу забыл, о театре и говорить не приходится. И, признаюсь, мне стыдно за тебя... Ну, возьми себя в руки, занимайся! Если нужна будет моя помощь, — окажу с удовольствием.

Михаил Михайлович встал с дивана, крикнул, не сказать ничего не смог: от неожиданности у него захватило дыхание.

Вот и весь рассказ, мало что потерявший в сокращенной передаче. Можно ли надеяться, что он вызовет у читателя те мысли и эмоции, о которых хлопочет автор? Ведь было бы наивно считать, что Л. Костюков действительно высмеял своего Репейникова, что он напел и показал в нем черты, определяющие его характер, что он высмеял в его лице злопаче, а в лице его жены превознес добродетель. Если говорить о добродетели, то она здесь настолько безлика и дидактична в худшем смысле этого слова, что не может вызвать у читателя решительно никаких симпатий, что же до злопаче, то, право же, художник Л. Семенов, иллюстрировавший книжку, стал для развенчания Репейникова гораздо больше, чем автор рассказа. На рисунке Л. Семенова Репейников — это

личность, характер, пожалуй, образ мысли. И поза, в которой он лежит на диване, и его запыленные жиром маленькие глазки, и пошлые ушки, краснующиеся на его выполене самодовольной физиономии, — все это неизменно красноречивее, чем в рассказе, потому что художник действовал в этом случае методами сатиры, а писатель ими пренебрег. Вместо того, чтобы резонерски потрудиться над мыслями и поступками своего героя, ему бы следовало показать нам его и показать резко, живо, пристрастно, не боясь комически преувеличить то смешное, что есть в характере этого человека. Автор рассказа этого не сделал, и в результате его Репейников ни у кого не вызовет смеха и никого ничему не научит.

Вообще, надо сказать, что все авторы, о которых идет здесь речь, к методу комического преувеличения прибегают до крайности боязливо. Какой-то робость владеет ими в их попытках находить и писать смешное. То и я это пристрастие к ложному юмору правдоподобно, то ли отсутствие юмористического темперамента, но подлинно комические персонажи и подлинно комические положения появляются в их книжках только в виде речистого исключения.

В книжке С. Шатрова есть рассказ «Привычные слова». В нем повествуется об инструкторе райкома комсомола Петухове и его деятельности во время уборочной кампании. Деятельность эта сводится к тому, что Петухов якобы произносит речи о необходимости перенимать опыт лучших комбайнеров и новшата теми уборки. Все идет гладко до тех пор, пока один из слушающих не просит его рассказать, что именно сказал передовой комбайнер района. Неожиданно оказывается, что Петухов решительно ничего в этом деле не смыслит.

В этом рассказе верен замысел, правдоподобна ситуация, рассказ может даже оказаться полезным с элементарно правдоподобной стороны. Но рассказ настолько не смешон и оставляет читателя равнодушным потому, что Петухов подвергнут в нем прищипыванию, а не осмеянию, и потому, что в его облике нет никакой резкой черты, которая помогла бы читателю обнаружить сходство с ним в других людях или в себе самом. Боязнь комического преувеличения, стремление к внешнему правдоподобию не только не сделал этот образ реальным, но даже лишили его той правдивости, которая, казалось бы, должна была быть ему свойственна, — лишнее подтверждение очевидной истины, что правда в искусстве достигается не мел

Международная почта

Высказывания Ларсена выдаются с головы его самого и его покровителей. Темное царство Маланя — питомник фашистского расизма.

◆

**ИСТОРИЯ
С ПАМЯТНИКОМ
ГЕЙНЕ**

Бедный немецкий поэт Георгий Гейне родился, как известно, в 1797 году в город Дюссельдорфе. Известно также и то, что до его времени поэт не поставлен памятник в его родном городе.

В конце прошлого века в Германии был

учрежден специальный фонд для сооружения памятника Гейне. Из различных городов страны и из-за границы в этот фонд поступили немалые суммы денег, но реакционные круги Германии всеми силами препятствовали сооружению памятника. После первой мировой войны фонд во время инфляции растаял. Затем учредили новый фонд, который должен был собрать средства на сооружение памятника Гейне.

Жюри отдавало предпочтение проекту, кото-
рый изображал Гейне не революционным
поэтом, не мужественным борцом против
реакционного пруссачества, милитариз-
ма и шовинизма, а сентиментальным романти-
ком.

ком. Но и этот памятник не был сооружен Фашисты, придя к власти, запретили книги Гейне, вычеркнули его имя из всех учебных программ, и даже песню «Лорелей», которую нельзя было изъять потому, что ее знают наизусть каждый немец, уже не дозволялось называть произведением Гейне.

ва решил заняться сооружением памятника Гейне. Не следует, однако, думать, что «отцами города» руководила при этом горячая любовь к памяти поэта, многие сатирические статьи, коммюны, звонки, как и другие

накие стихи которого звучат так, словно они написаны сегодня и высмеивают бонинских правителей. Но памятник Гейне сделан, и город более привлекательным для туристов, означал бы еще одну выгоду нашей достопримечательности. Потому ли, что на этот раз «отцам города» не удалось собрать необходимых средств?

75-летие своей фирмы он решил отметить несколько своеобразно: пообедовав с...

Он подарил Дюссельдорфу бронзовую скульптуру, которая, правда, не имеет никакого отношения к Гейне, а представляет собой женскую фигуру с преувеличенно

но пышными формами. Однако, по «кавторитетному» суждению фабриканта стирально го порошка, скульптура эта может явиться символическим выражением творчества поэта.

Такова история сооружения в западно-германском городе Дюссельдорфе «памятника» Гейне. Точнее, история постыдного надругательства над памятью поэта.

„ПОПАДИ
В НЕГРА!“

Место действия
Нью-Йоркский «пар
культуры» на Конн
Август

Время действия: на
ше дни.

Нелегко представить себе, но факт
остается фактом: то, что изображено на ри-
сунке, называется «аттракционом». Бол-

Рисунок Ханса Шварца

шая надпись слева заывает: «Попади в
негра!» Жаждающие «развлечений» платят
по 50 центов, получают теннисные мячи и со-

Так «отдыхают» в американских парках культуры... Свидетелем этой сцены был

датский писатель и художник Ханс Шерфиг, который и сделал воспроизводимую нами зарисовку.

Смесь

Входная плата: старые брюки. Газета «Эстеррейхше фольксциммер» сообщает, что в Марселе давно уже функционирует так называемый

цихе». В кассе этого кинотеатра можно приобрести билеты не только за деньги, но и за пару стоптанных ботинок или рваный пиджак. Предприимчивый владелец кинотеатра открыл в том же здании лавчонку, где соймает собранное кассой старье.

Как погибала Лотти. Восемь детей было у Флоренс Крекшоу—вдовы, проживающей в доме № 628 по Варбер-стрит в Чикаго. Это — трехэтажный дом, кишящий насекомыми и крысами. Как-то раз ночью, рассказывает газета «Уоркер», семья была разбужена криком девятимесячной Лотти — младшей по-

В память «заслуг»... Из Килы (Западная Германия) сообщают, что мистифицированные трупы нескольких детей девочка умерла — ее загрызли крысы.

Вдова Гейдриха, казненного патриотами в Драге, прожигает

По стопам Манштейна. Вот что рассказал на страницах газеты «Юманите» рядовой французский рабочий: «16 мая 1953 года я предложил свои услуги директору завода сельскохозяйственного оборудования в Мэн-и-Юльетте. Меня пригласили в

Немаловажная деталь: вышеупомянутый

Автомат для расчетов. Американская газета «Саутерн триплет» опубликовала снимок автомата для продажи «шока-кола». Справа —

«Однако все деньги собираются в одном и том же месте», — не без иронии замечает газета.

ПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ,
ЕЯЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ,
ПОГОДИН.

4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.